

Сделанные замечания не нарушают общего вполне благоприятного впечатления от монографии «Молдаване», выход которой составил заметный этап в развитии исторической и этнографической науки в Молдавии. Этот обобщающий труд, показывающий культуру и быт молдавского народа и их преобразования в ходе строительства социализма, несомненно, заслуживает переиздания.

В. И. Козлов

В. В. Пименов. Удмурты. Опыт компонентного анализа этноса. Л., 1977, 262 с.

Последние 10—15 лет ознаменованы активными поисками в области совершенствования методов этнографического изучения народов СССР. Перед нами новая работа В. В. Пименова, представляющая результат применения количественных методов к исследованию этноса. Эта книга — итог длительных раздумий и большого серьезного труда, связанного с разработкой целостной методикой по сбору массовых данных, с обработкой их на ЭВМ (она осуществлена доктором исторических наук В. А. Устиновым) и с интерпретацией полученных сведений при помощи некоторых статистических методов.

Книга В. В. Пименова — одно из немногих исследований, которое посвящено анализу не только отдельных этнических характеристик, но и изучению этноса в целом (удмуртов, живущих в пределах Удмуртской АССР). Отбор единиц наблюдения осуществлен с помощью репрезентативной выборки (в нее вошло 2139 человек: 919 в городах и 1220 в селах: подробнее о выборке см. стр. 25, 26). Подобное массовое обследование потребовало не только специальных знаний, но и больших организационных усилий по подготовке инструментария, подбору интервьюеров, обработке опросных листов, а также освоения опыта использования статистических приемов исследования.

Теоретическая часть книги В. В. Пименова хорошо продумана. Можно возражать против некоторых положений автора, но ему никак нельзя отказать в стремлении тесно увязать эмпирическое исследование и теоретические концепции. Всей книге и каждой из ее глав — о социально-демографических характеристиках этноса, о межэтнических контактах, об этноязыковых процессах, обрядовой жизни, материальной культуре, фольклоре, профессиональной духовной культуре, о некоторых этнопсихологических характеристиках — предпосланы разделы, излагающие взгляды автора по теории каждого из анализируемых явлений. Позитивной является попытка автора представить этнос как внутренне координированную и субординированную социальную систему и рассмотреть все компоненты этноса во взаимной связи, а также раскрыть по возможности «механизм» этой связи.

В. В. Пименов достаточно подробно останавливается на методологических проблемах исследования. В книге выражено стремление на основе принципов марксистско-ленинской материалистической диалектики приблизиться к рассмотрению законов, которые «регулируют» этническое развитие, показать этнос как развивающуюся систему, выявить причинно-следственные связи диалектического развития каждой из компонент этноса и этноса в целом. Попытка выйти на уровень широких обобщений выделяет эту книгу среди многих исследований.

В предисловии ответственный редактор книги К. В. Чистов отмечает, что в центре внимания автор поставил этнические и этнокультурные проблемы. Сам Пименов, впрочем, смотрит на свои задачи более широко. «Общий замысел исследования — пишет он — состоит в попытке, пользуясь системным подходом, выяснить существенные закономерности функционирования, а отчасти и эволюции конкретного этноса», проследить «изменение роли и значения отдельных компонент в системе этноса», трансформацию компонент этноса под влиянием противоречий, собственных этносу, и их взаимосвязь с процессами разнообразных межэтнических взаимодействий (стр. 20, 21).

В ходе работы, в процессе анализа эмпирических данных, В. В. Пименов формулирует также ряд заслуживающих внимания положений, использование которых как в его настоящем исследовании, так и в будущем представляется продуктивным. К их числу, например, относится концепция рекультурации (стр. 37, 38 и др.), с помощью которой удачно раскрывается взаимодействие противоречивых тенденций в процессе функционирования культуры — тенденции к вытеснению многих традиционных элементов культуры и тенденции к их сохранению и воспроизводству в новых — профессиональных и индустриальных — формах; соображение по поводу соотношения сторон и слоев культуры: в рамках традиционного для этнографии членения культуры на материальную и духовную автор выделяет также «нижний» (традиционный) и «верхний» (современный) слои. Такое членение, все шире утверждающееся, облегчает анализ явлений, подлежащих измерению (стр. 139—141).

Хотелось бы отметить, что в рецензируемой книге немало и частных наблюдений, которые, надо думать, привлекут внимание исследователей. Так, изучая межэтнические

контакты, автор устанавливает, что для этнических процессов значение этих контактов в первичных производственных коллективах (бригадах и им подобных) в Удмуртии сопоставимо со значением аналогичных контактов в рамках семьи (стр. 90). Интересны наблюдения над речевым поведением удмуртов в семье, на работе и в общественных местах. При этом автор констатирует особое положение признака «выбор родного языка» в группе переменных, измеряющих языковые факторы. В. В. Пименов вводит описание ситуации «эффекта родного языка» и небезынтересно ее интерпретирует.

Положительной чертой рецензируемой работы является ее историзм. В исследованиях, построенных на результатах однократного массового обследования, очень трудно обеспечить исторический анализ полученного материала и, наоборот, весьма легко «замкнуть» его рассмотрение данным хронологическим отрезком времени. В рассматриваемом исследовании автор последовательно стремится избежать этой опасности с помощью различных приемов, среди которых — метод изучения выделенных переменных в возрастных группах. Каждую главу завершает специальный раздел о динамических тенденциях, наблюдаемых в соответствующих областях этнической жизни удмуртов.

Работу В. В. Пименова выгодно отличает и ее, так сказать, «открытость», стремление показать читателю все «секреты» исследовательского процесса, включая программирование, сбор информации, ее обработку и интерпретацию. В книге опубликован инструментарий, примененный в ходе сбора первичных данных, а также итоговые матрицы коэффициентов, выражающих связи между различными факторами (см. Приложение, стр. 234—249).

Таким образом, рассматриваемая работа посвящена обсуждению весьма актуальных для этнографии и этносоциологии проблем. В. В. Пименову удалось сказать свое слово, создав весьма оригинальное произведение, содержащее как свежие фактические данные, так и ряд новых трактовок этих данных.

Ответственный редактор, да, пожалуй, и автор рассматривают работу как этнографическое исследование с применением сравнительно новых для этнографии методов (имеются в виду количественные приемы анализа системы). Вместе с тем К. В. Чистов справедливо ставит вопрос о том, что такая работа «интересна не только своими удачами, но и возможностью выяснения того, что не удается достичь с помощью избранной методики» (стр. 4). Естественно, как и всякая интересная работа, исследование В. В. Пименова не только содержит новое знание, но и дает поводы для размышлений.

В зависимости от собственных профессиональных интересов рецензенты этой работы могут выбрать для обсуждения наиболее интересующие их вопросы. Нам же хотелось остановиться на некоторых из них, актуальных прежде всего с методолого-методической точки зрения. Первый — в какой мере представленные в книге графы связей факторов допустимо считать моделью этноса в строгом смысле слова.

Попытка моделирования этноса при помощи системного анализа, основанного на математических приемах теории информации (например, использованного в труде В. В. Пименова коэффициента взаимосвязи признаков, названного В. А. Устиновым коэффициентом информационной связи), заставляет нас более строго осуществлять логический анализ и продумывать операциональные определения, связанные с изучением этноса. Автор, как сказано выше, предваряет конкретное рассмотрение материала описанием программы исследования. В ней В. В. Пименов излагает свое понимание этноса (стр. 12—15), заключая его утверждением, что эта концепция этноса близка к той его характеристике, которую дает Ю. В. Бромлей, выдвигая понятие «этносоциальный организм» (стр. 15). При этом автор выделяет следующие компоненты этноса: пространственно-географическую, экономическую, социальную, языковую, культурную, бытовую и психологическую, а также демографическую (впоследствии он сводит ее в единую социально-демографическую компоненту, условно обозначенную DS). «Компонента» рассматривается в качестве основной структурной единицы высшего порядка.

Вместе с тем анализируются и сводятся в «модели» в виде графиков связей признаков («общая модель» удмуртского этноса состоит в книге из трех отдельных графов, построенных отдельно для жителей села, города, творческой интеллигенции) не все названные компоненты, а лишь выделенные для конкретного изучения. Эти компоненты изучаются через группы субкомпонент (иначе — составляющих, стр. 16), которые представлены через отдельные факторы и признаки, характеризующие, по мнению автора, названные компоненты. Например, такие признаки, как пол, возраст, тип семьи, длительность проживания, миграция — это все D-факторы, т. е. демографическая компонента. Культурная и бытовая компоненты представлены «субкомпонентами» традиционной и отчасти «индустриальной» материальной культуры, фольклором, профессиональной культурой, а также обрядовой жизнью. Экономика же фиксируется не через субкомпоненты, а непосредственно отдельными признаками — «экономическими характеристиками личности и ее семьи» — среднедушевым доходом и набором предметов современного культурно-бытового обихода в семье (на наш взгляд, эти признаки характеризуют скорее уровень жизни населения).

Из перечня видно, что компоненты представлены очень различными по значимости факторами и признаками. Поэтому в силу их разнозначности, а в ряде случаев и отсутствия некоторых существенных факторов, составляющих компоненты, считать приведенные графы (рис. 4, стр. 45—48) моделью этноса, на наш взгляд, было бы преждевременно. Об этом же пишет и К. В. Чистов, по мнению которого совокупность гра-

фов «еще не дает общей модели этноса в строгом смысле данного слова». Он также обращает внимание на «неравноценность элементов, из которых строится модель: в одних случаях это структурные элементы, в других — различные факторы, на них воздействующие, в третьих — косвенные показатели, характеризующие первые или вторые» (стр. 4). Вероятно, не случайно «экономические факторы (два признака, названных выше) на «моделях» не заняли существенных позиций. Конечно, экономические отношения, уровень развития экономики находят отражение в социальной структуре этноса. Автор справедливо говорит о том, что демосоциальное «основание этноса» «базируется на еще более глубоком фундаменте — социалистической экономике» (стр. 71, ср. 227). Но социальные группы, выделенные в исследовании, не охватывают достаточно полно социальных различий, в частности, не учитываются, например, социальные деления, связанные со сферой народного хозяйства (промышленность, сельское хозяйство и т. д.) и формой собственности (например, рабочие совхозов и колхозное крестьянство). Сам В. В. Пименов пишет, что состав использованного вопросника (и понятно, состав факторов) «не полностью соответствует тому набору компонент, который, согласно определению, характеризует этнос. Это объясняется как объективной сложностью исследования, так и недостаточной разработанностью методики» (стр. 24, 25).

Принимая во внимание все сказанное, не целесообразнее ли графически зафиксированные связи именовать графами связей факторов или признаков, выделенных для изучения, не называя их моделью этноса? Думается, что такое наименование больше отвечало бы современному этапу в подходе к проблеме моделирования этноса, к разработке которой стремится В. В. Пименов.

В этой же связи возникает еще один интересный вопрос — насколько отобранные для анализа признаки могут представить ту или иную компоненту. Конечно, в этом отношении может быть множество вариантов, которые требуют экспериментальной проверки, но все же есть и очевидные вещи. С одной стороны, если рассматривать этнос в качестве этносоциального организма, то ясно, что его компонента не может быть представлена лишь этнически специфическими характеристиками. Как пишет и сам В. В. Пименов, «едва ли верно отождествлять традиционные черты этноса... и... этническое в целом» (стр. 20); и в другом месте: «...не следует ли предположить, что специфика этноса возникает не из суммы специфических элементов, а как специфическое сочетание, как своеобразная связь, интеграция неспецифических или лишь частично специфических элементов» (стр. 114). Но если так, то, видимо, это обязывает в целях моделирования этноса ввести в рассмотрение и определенные общие характеристики. Трудно, например, согласиться с тем, что «если в инструментарии исследования заложены вопросы, выясняющие некоторые стороны обрядовой жизни, то собранная о них информация будет репрезентировать не только сами эти стороны, но и в известной мере быт как компоненту этноса» (стр. 113). Трудно прежде всего потому, что сами материалы опроса населения свидетельствуют о том, что традиционные обряды удмуртов не имеют широкого распространения. Между тем по опыту изучения других народов мы знаем, что, даже при несоблюдении подобных обрядов этническая специфика поведения и отношений в быту сохраняется и держится довольно стойко. Она отражается такими показателями, как отношения между мужем и женой, старшим и младшим поколением, внутрисемейное поведение и т. д., которые тоже фиксируют этноспецифику. При рассмотрении культуры важно было бы, на наш взгляд, полнее учесть факторы (признаки), которые характеризуют бытующие моральные и другие нормативные ценности, жизненные ориентации.

Известные сомнения возникают в отношении признаков, на основе которых анализируются национальные ориентации в профессиональной художественной культуре: художественная литература, музыка — это действительно ее «составляющие». Но прессу вряд ли можно рассматривать как равнозначный признак, характеризующий художественную культуру, она скорее является носителем общественно-политической информации (за исключением художественных журналов). Культурно-просветительные учреждения, радио, телевидение, тоже рассматриваемые как признаки художественной культуры (см. стр. 183), являются лишь средством распространения информации. Без специального рассмотрения содержания их программ вряд ли они могут отражать художественную культуру, в том числе в ее национальных формах.

Следует сказать об индикаторах этнического сознания и в целом этнопсихологической компоненты. В исследовании такими индикаторами в строгом смысле слова являются знание национальных праздников, национальных имен, стремление сделать национально-символический подарок, национальные установки и «интегрированная» установка — «сознание связи с этносом». Набор признаков немалый, но в нем не участвует, видимо, один из важнейших — этническое самосознание в узком, прямом значении этого слова, т. е. отнесение себя к данной нации (это отмечает и сам автор, стр. 217). Потому-то, возможно, психологические факторы и представляли крайнюю периферию системы (стр. 213).

Нам бы хотелось отметить подлинно научный подход автора к анализу материала. Этот подход, в частности, выражается в осторожном обращении с полученной информацией. На всем протяжении исследования и в конце его автор неоднократно отмечает: «Поиск ведется, конечно, только в пределах данной анализируемой информации» (стр. 33, 233 и др.). И этот строгий критический подход нам остается только приветствовать.

И, разумеется, прав В. В. Пименов, неоднократно предостерегая читателей от абсолютизации выводов, полученных с помощью использованной методики. Так, в случае с этнопсихологической компонентой он говорит, что речь идет о периферийности психологических факторов «в их наличном наборе», и не исключено, что «набор p -признаков недостаточен» (стр. 216).

Наиболее удачно представленной индикаторами и логически обоснованной оказалась, на наш взгляд, «языковая компонента» этноса. И закономерно, что граф связи «языковых» признаков — так называемого «языкового поведения» (употребление языка дома, на работе и т. д.) и отношения к родному языку выглядит, пожалуй, самым убедительным, а выводы автора о связи и значении признаков — интересными и содержательными.

Обратим внимание читателей на один немаловажный факт, установленный в исследовании В. В. Пименова: язык как этноинтегрирующий фактор оказался наиболее значимым в оценке самих опрашиваемых и в оценке интервьюеров, фиксировавших интерес людей, с которыми им довелось беседовать, к отдельным этническим признакам.

Отметим также, что прием сопоставления ответов опрашиваемых и интервьюеров, выступавших в данном случае экспертами, использованный В. В. Пименовым, несомненно заслуживает внимания.

Наконец, последнее, на чем хотелось бы остановиться — это вопрос об эффективности и возможности анализа материала при условии, если анализ ведется на основе полученных коэффициентов связи факторов. Наши рассуждения, естественно, основываются главным образом на логике и опыте социологических исследований. Опыт подсказывает: трудно согласиться с тем выводом автора, что обращение к основным распределениям (например, распределение людей, соблюдающих свадебный обряд в зависимости от места проживания, возраста, образования и т. д.) более удобно и целесообразно при анализе уже готовых графов связей, полученных на основе коэффициентов для установления «направления связей между факторами» (стр. 32). Можем ли мы при отборе показателей, значимых для анализа, довериться лишь показателям коэффициентов связи? Опыт подсказывает, что такой прием чреват немалой опасностью. Известно, что величина коэффициента связи определяется не только взаимной информированностью признаков, но и количеством градаций в каждом признаке (например, пол имеет две градации, образование — 7, а предпочтение танцев — 4). Использование «информационного» коэффициента должны, естественно, предшествовать нормирование информационных признаков, а самое главное — содержательный анализ рассматриваемых признаков (не случайно видимо, более убедительными и логически обоснованными выглядят в книге графы связей отдельных компонент этноса, ведь здесь рассматриваются логически связанные признаки). Анализ материала только на основе полученных коэффициентов оставляет немало неясностей. Почему, например, в «модели» творческой интеллигенции межэтнические контакты и другие показатели оказались существенно взаимосвязанными с различием в образовании, в то время как уровень образования сравнительно однородной группы — интеллигенции — вряд ли может существенно различаться (стр. 79, 80)?

Можно ли утверждать, что социальное положение главы семьи существенно не влияет на социальный рост детей (стр. 54—56)? Видимо, если бы автор дал таблицы основных распределений, фиксирующую, сколько детей из разных социальных групп идут по стопам своих родителей, он мог бы прийти к иным выводам, которые совпали бы с выводами социологов, изучающих социальную мобильность в других районах страны и фиксирующих существенное влияние семьи, в том числе образования и связанного с ним социального положения родителей, на социальный рост человека в современных условиях.

Верно ли, наконец, на основе коэффициентов связи в «моделях» делать выводы о том, что обряды занимают «существенное место в жизни удмуртов» (стр. 126), если до 80% удмуртов не соблюдают традиционных обрядов на свадьбе и не высказываются за их сохранение, около 70% в городах и 50% в селах считают, что такие обряды не нужны и при рождении ребенка (см. стр. 124, 126), и не более 17% удмуртов в селе и 9% в городе указали на обряды как признак, по которому они ощущают свою связь с этносом (с. 99)?

Но все раздумья, которыми мы поделились не снимают значения предпринятого В. В. Пименовым труда. Сложное исследование, выполненное В. В. Пименовым с помощью его коллег, дает в целом верное представление о распространенности традиционных элементов в культуре удмуртов — народа, быстрыми темпами развившего в условиях социализма свою экономику и культуру, вовлеченного в современные процессы урбанизации и интернационализации культуры. Книга содержит интересные данные об ориентациях на ряд традиционных и современных национальных ценностей (в области музыки, танцев, литературы и т. д.). Имеющийся в книге материал в известных пределах, очерченный автором, позволяет судить об основных зонах сохранения этнической специфики (такой зоной является, например, язык). Важным позитивным моментом в работе является рассмотрение всех охваченных изучением собственно этнических характеристик в их социально-демографическом разномыслии, стремление вскрыть диалектические противоречия в процессе развития этноса, в характере взаимоотношений между различными сторонами культуры, желание критически подойти к оценке полу-

ченных результатов, дать оценку тех гипотез, которые были выдвинуты в процессе работы.

Книга В. В. Пименова — заметное событие в развитии науки, это исследование зрелого автора, поставившего и рассмотревшего актуальные вопросы в этнографии, поэтому ее интересно читать и обсуждать. И совершенно очевидно, что она найдет широкого читателя среди всех интересующихся национальными проблемами.

Л. М. Дробижева

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Українські народні казки Східної Словаччини, т. V. Зібрав, упорядкував, післямову та коментарі написав Михайло Гиряк. Словацке педагогічне видавництво в Братиславі. Відділ української літератури. Пряшів. 1976, 299 с.¹

Очередной том периодически издаваемых украинских сказок Словакии в новых записях М. Гиряка содержит 28 диалектных текстов в упрощенной транскрипции. Из них 24 записано в 1968—1971 гг. от крестьянина с. Бодруджал Свидницкого округа Петра Илько и 4 — от его жены Марии Илько. В Свидницком округе, где весьма значительную часть населения составляют украинцы, украинские сказки записывались еще в конце прошлого века И. Верхратским, В. Гнатюком². Из сказок Свидницкого округа состоит и предыдущий том (1972), в котором есть записи, сделанные в с. Бодруджал от Марии Илько.

Петр Илько превосходит современных ему земляков-сказочников обширностью репертуара и выделяется ярко выраженной традиционностью стиля своих сказок. Это обстоятельство подчеркивает М. Гиряк в послесловии (стр. 226—284), представляющем собой обстоятельное исследование репертуара и словесной формы сказок П. Илько в сопоставлении с ранее опубликованным местным сказочным материалом. Наряду со стилистической «обрядностью», исследуются особенности использования сказочником пословиц и поговорок, синтаксических повторов, метафор, и эпитетов, слов с уменьшительными суффиксами, выразительных междометий, имен персонажей и средств образности, восходящих к песенным жанрам. Столь разностороннему стилистическому анализу еще не подвергались сказки какого-либо народного украинского сказочника. На основе текстов данного тома автор послесловия кардинально пересматривает выводы известной монографии Иржи Полизки «Slovanský pohádky» (Praha, 1932)³ о том, что стиль украинских закавказских сказок якобы лишен оригинальности. Показывая сочетание традиционного и нового, устойчивого и импровизационного, коллективного и индивидуального начал сказкотворчества, М. Гиряк систематизирует подробности, связанные с природой Закарпатья, местным украинским бытом (материальной культурой, обычаями, обрядами), историческим прошлым края и с фактами биографии сказочника, а также анализирует его излюбленные словечки, обороты речи. В комментариях сказки схематично пересказаны, даны ссылки на номера указателей сюжетов (международного — Аарне — Томпсона, польского — Кшижановского, словацкого — Поливки) и на закавказские украинские сборники. Словарь, приложенный к книге, облегчает чтение диалектных текстов. Текстологические принципы издания изложены во «Введении».

Красочное оформление художника И. Шафранко в духе детских рисунков, крупный шрифт шпелера, которым напечатаны сказки, говорят о том, что это издание, имея научные цели, рассчитано также на широкий круг читателей, не только взрослых.

Три четверти опубликованного репертуара П. Илько составляют волшебные и лишь одну четверть (6 текстов) — социально-бытовые сказки.

Все сказки П. Илько соотносятся с международными типами сюжетов, что отнюдь не умаляет их творческого своеобразия. Оно проявляется в детальной разработке, со-

¹ Рецензию на предыдущие тома (1965—1972) см.: «Сов. этнография», 1975, № 3.

² И. Верхратський. Знадоба для пізнання угорскоруских говорів. Львів, 1901, с. 142—148, 174—176, 189—192 — (на с. 142—144 сказки села Бодруджал); «Етнографічний збірник», т. IX. Львів, 1900, с. 79—81.

³ Сказки П. Илько рассматриваются как важнейший источник изучения своеобразия традиционной поэтики украинских сказок Закарпатья и в недавно изданной работе М. Гиряка «Вступні формули українських народних казок Східної Словаччини». — «Науковий збірник Музею української культури у Свиднику», т. 7. Братислава — Пряшів, 1976, с. 481—508, где анализ ведется с полным учетом опубликованных в XIX—XX вв. местных сказочных текстов.